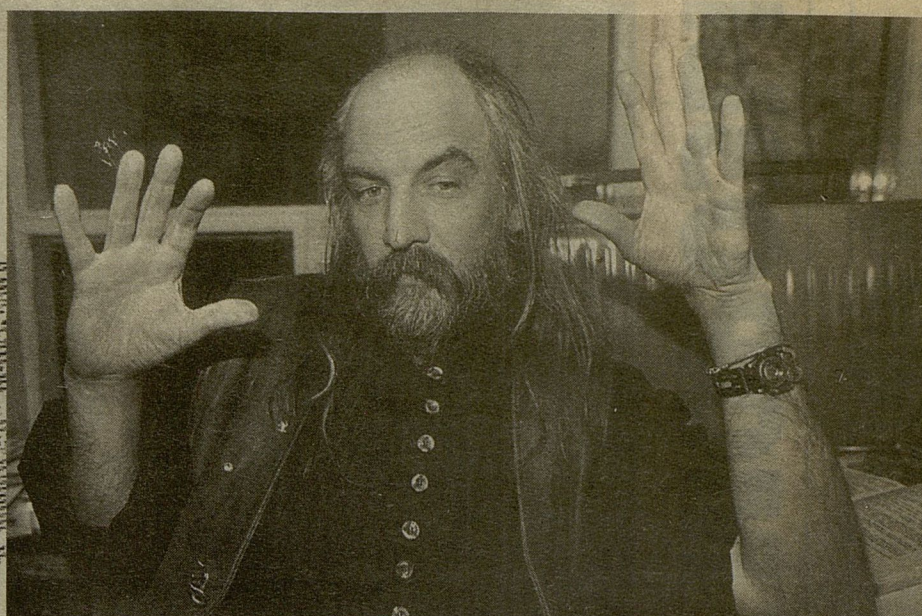

Алексей МЕРИНОВ:

«Я»

На поприще карикатуриста «Московского комсомольца» Алексей Меринов стяжал недюжинную славу и всенародную любовь.

Однако несмотря на то, что рисунки Меринова знакомы сегодня всем и каждому, сам он остается для своих почитателей фигурой загадочной.

Посему мы решили спуститься тремя этажами ниже, в редакцию «МК», и по-соседски побеседовать с художником на разные темы. Ведь должен же народ знать своего героя!

ТОЛЬКО ЧТО ЗАКОНЧИЛ

Вер. Шлоер ба. - 1994. - 14 августа, - с. 6.

ИЛЛЮСТРИРОВАТЬ

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС»

— Догадываюсь, что свою карьеру ты начинал с отнюдь не дружеских шаржей на школьных преподавателей...

— Было, было. Я до сих пор по школьной привычке рисую шариковыми ручками и на чем попало... Но началось все даже не со школы, а гораздо раньше. Моя мама работала в Центре спортивной медицины, и я благодаря этому имел доступ к огромным рулонам бумаги для кардиограмм. Я раскладывал их на всю длину комнаты и аккуратно — слева направо — изрисовывал картинами сражений. В школе такого количества бумаги не было, поэтому совершенствовался я в тетрадях и на промокашках.

— Ты тогда уже решил стать карикатуристом?

— А я вообще не собирался им становиться. Во-первых, не существовало такой профессии, во-вторых, невозможно было куда-то устроиться. О «Крокодиле» тогда и мечтать не приходилось.

— И куда ты направил свои стопы?

— Да куда только не направлял. Был лаборантом в научно-исследовательском институте удобрений и чего-то там еще. Потом служил на флоте. Когда вернулся, устроился кошельком алмазов. Ну и рисовал параллельно, в конкурсах участвовал. Потом перешел в строительное управление, числился там транспортным рабочим, но по большей части опять-таки рисовал — плакаты всякие, лозунги. Правда, это все недолго продолжалось. Пришел новый начальник, сказал, что здесь не Третьяковка, и отправил меня обратно на транспорт. Мне это не очень улыбалось, так что оттуда я ушел бутафором в театр «Ромэн».

— Театральный художник из тебя не вышло?

— Дело в том, что по натуре я не руководитель, а театральному художнику нужно быть именно таким. Нужно уметь общаться с рабочими, настаивать на чем-то. А я только предлагал идеи, которые трудно было воплотить по-человечески. Но ушел я оттуда не поэтому, а потому, что в «Ромэне» меня решили принять в партию. Пришла разнарядка на одного цыгана и одного русского. Тут я и сбежал.

— Свою первую публикацию ты помнишь?

— Особенно запомнился мне гонорар за первую публикацию. Есть в Одинцове такая газета — «Новые рубежи». Меня туда пригласили художником: нужен был кто-то из местных, а мы там как раз дачу снимали. Отрекомендовали меня парнем с рабочей окраинки. Начал я печататься, и мне прислали первый гонорар. А для меня в то время слово «гонорар» ассоциировалось с чем-то сказочно большим, я себе представлял, что на эти деньги можно всю оставшуюся жизнь прожить. Так вот, сумма моего гонорара меня просто потрясла: 2 рубля 27 копеек. Это была стоимость портвейна «Кавказ». Я не вру.

— По долгу службы тебе каждый день нужно придумывать что-то остроумное. Вдохновение снисходит на тебя по заказу?

— Все эти слова про вдохновение — бред собачий. Если ждать, пока оно на тебя снизойдет, можно вообще ничего не дожидаться. Главное в моей работе — это, во-первых, сохранение хорошей спортивной формы, а во-вторых, игра с самим собой. Вот сегодня вышла хорошая картинка, и ты самому себе зада-

ешь вопрос: а завтра получится или не получится?

— А если не получается?

— Есть у меня одна дурная особенность: если в первые двадцать минут идея картинки не появляется, у меня начинается истерика — сначала тихая, потом громкая. Я это для себя называю «синдром бегущей собаки»: тебя догоняет здоровенная псина, и нужно перемахнуть через забор. Причем про себя-то я знаю, что в итоге все получится.

— За столько лет работы в газете тебе никогда не хотелось расширить поле деятельности — написать что-нибудь?

— Нет, мне, в общем-то, достаточно того, что я делаю. Рисунком ведь тоже можно что-то сказать, можно просто дописать им текст. Хотя я заметил: карикатуры у меня лучше получаются, когда перед глазами нет готового текста. Статья всегда содержит подсказку, и мозг, соответственно, отдыхает. А нет подсказки — и ты начинаешь напрягаться, думать, подключается память, возникают какие-то ассоциации.

— А конкуренция с коллегами имеет место быть?

— Да, но для меня понятие конкуренции состоит прежде всего в том, чтобы не опускать свою планку. Очень легко в начале, когда ты молодой, тебя никто не знает, у тебя нет пока имени... А сегодня мне нужно постоянно доказывать, что я могу работать на высоком уровне. Каждый день валять дурака — это очень серьезное дело. Иногда, когда получается хороший рисунок, у меня даже бывает состояние, близкое к панике. Думаешь: ну, все, это предел, лучше уже не получится, да на фиг я вообще эту картинку нарисовал?

— Зрительская оценка всегда совпадает с твоей собственной?

— Почти никогда не совпадает. Бывает, нарисуеть что-нибудь и думаешь про себя: вот это действительно здорово! А эта картинка — бабах! — проходит незамеченной. В другой раз делаешь совершенно, кажется, проходной рисунок — бабах! — тебе премию дают. Была у меня история, после которой я завязал со всякими конкурсами. Я участвовал сразу в двух конкурсах — в Польше и в Италии. Сроки подачи работ были

очень жесткие, и буквально за день до отправки я получил какую-то премию, мы с друзьями по-доброму так посидели, и работы свои (а я над ними два месяца корпел), естественно, по дороге домой потерял. Пришел, а состояние такое, что можно только абстрактной живописью заняться. Но я сел и, зверея и матерясь, на каких-то клочках оберточной бумаги что-то нарисовал. Я был просто поражен, когда получил премию и там, и там.

— Чем-то, кроме карикатуры, ты сегодня занимаешься?

— Вот только что закончил иллюстрировать Уголовный кодекс — это была идея одного моего приятеля. Я сначала подумал: у нас что, милиционеры неграмотные, чтобы для них рисовать? А потом увлекся. Сначала мне казалось, что у меня это очень легко выйдет. Потом я прочитал этот кодекс и пришел в ужас. Там есть такие статьи, в которые я просто не въезжаю. А потом наступила третья стадия под названием «глаза боются, а руки делают». В общем, за три месяца я это осилил.

— Какую статью было труднее всего иллюстрировать?

— Их было три: убийство, изнасилование и убийство матерью новорожденного ребенка. Вещи жуткие, над ними можно было бы и похихиметь, конечно, но тогда получилось бы, что вся работа — коту под хвост: народ смотрел

бы только на эти три картинки. Я постарался их как-то иносказательно обойти.

— Самому не приходилось сталкиваться с Уголовным кодексом?

— Пока Бог миловал. Но есть тут у меня еще одна идея — проиллюстрировать Конституцию. Вот если я это сделаю, то отдельную статью Уголовного кодекса мне кто-нибудь обязательно зачитает.

— Не наезжают на тебя за карикатурами?

— Исков было много, но до суда дело еще ни разу не доходило. И лицо пока не били... Так, бывают какие-то поползновения. Вот газета «Завтра» как-то по моему поводу выступила. Там написали, что 17 июня меня посадят в тюрьму на десять лет. И все эти десять лет заставят читать собственные произведения. (Я почему-то уверен, что прочитаю их гораздо быстрее.) Но вот не едут за мной почему-то, не забирают. Зато в одном из последних номеров «Завтра» меня назвали тонким, интеллигентным и остроумным карикатуристом. Коллеги в связи с этим советуют мне подать в суд и обвинить газету «Завтра» в оскорблении чести и достоинства.

— У тебя дома на стенах собственные шедевры развешены?

— Есть и свои, но немного. Основная часть моих работ давно уже перекочевала к друзьям. Они, гады такие, прекрасно знают, что во время застолья я добрый. И добротой моей пользуются... А вообще я очень люблю своих друзей, у меня их много, и они ходят ко мне в гости без предупреждения. Есть у нас такая семейная примета: если мы с женой целенаправленно покупаем какую-то еду, значит, через два часа на пороге возникнут мои друзья.

— А как к этому относится жена?

— А ее кто-нибудь спрашивает? Она жена, и этим все сказано. Ну, по мере сил она участвует в наших застольях: порежет что-нибудь, посидит, послушает. Не знаю, как относится. Надо будет спросить...

— Твои друзья — тоже художники?

— Ну, у меня со всеми коллегами очень хорошие и ровные отношения, но друзей среди них, пожалуй, нет. Все мои друзья — они еще с незапамятных времен. Это люди самых разных профессий и социального положения. Не художники.

— Тебе не жаль, что твои рисунки — на виду, а сам ты — в тени?

— И слава Богу, что в тени. У меня есть приятель с телевидения — очень несчастный человек. Он не может просто пройти по улице, погулять по Москве. Один раз мы с ним вышли — так я уже через пять минут озверел. Хотя это не меня поклонники мучили, а его. Нет, мне совершенно не хочется становиться известным. Особенно в наше время и при том, что я занимаюсь политической карикатурой.

— В свободное от рисования время ты чем занимаешься?

— Сплю. Еще музыку слушаю: очень люблю блюзы. И рисую опять же — даже в свободное время. Как ни странно, я еще не нарисовался до сих пор.

— Если бы поступил заказ: нарисовать карикатуру на художника Меринова, что бы ты изобразил?

— Это было бы что-то очень печальное и без слов. Конкретнее я сейчас вряд ли скажу, надо подумать.

Лариса ХАВКИНА
Фото Дмитрия АСТАХОВА

